

История 2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 9 (95) Том . 2020

Особенности применения технологий переписывания истории в современном пространстве цифровых коммуникаций

Володенков С. В.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Работа посвящена изучению особенностей формирования моделей исторической памяти в цифровом пространстве при помощи современных информационно-коммуникационных онлайн-технологий на примере Второй мировой войны. Анализируется актуальная практика цифровых «войн памяти» и механизмы переписывания истории в Интернете. В статье показано, что экстерриториальный характер онлайн-коммуникаций позволяет осуществлять внешнюю информационную агрессию в суверенные национальные сегменты Интернета с целью трансформации традиционных исторических кодов, символов и смыслов, а также изменения массовых представлений сетевых пользователей о событиях Второй мировой войны. Автор делает вывод о том, что наличие собственной цифровой информационно-коммуникационной инфраструктуры, каналов распространения исторической информации, субъектов генерации и трансляции исторического контента является ключевым фактором обеспечения выживания национальных моделей исторической памяти в конкурентном цифровом пространстве. В противном случае они замещаются альтернативными моделями, изменяющими массовые представления сетевых пользователей, что ведет к соответствующим изменениям в оценке исторических событий и переписыванию истории в рамках осуществляемых на глобальном уровне «войн памяти». В работе также обосновывается, что основной целевой аудиторией информационно-коммуникационной работы в Интернет-пространстве является молодое поколение, которое в дальнейшем будет выступать ключевым носителем моделей исторической памяти в своих обществах. В связи с этим влияние на процессы формирования представлений об исторических событиях онлайн-пользователей, трансформация отношения молодежи к собственной и мировой истории потенциально позволяют уже в обозримой перспективе осуществить тотальное переписывание исторической памяти на глобальном

уровне в случае отсутствия соответствующей активности государств по защите собственных национальных информационных пространств и противодействию внешней информационно-коммуникационной агрессии.

Ключевые слова: «войны памяти», «переписывание истории, Интернет-пространство, цифровые коммуникации, историческая память

Ссылка для цитирования:

Володенков С. В. Особенности применения технологий переписывания истории в современном пространстве цифровых коммуникаций // История 2020. Выпуск 9 (95) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://ras.jes.su/history/s207987840011429-0-1> (дата обращения: 16.10.2020).

На протяжении многих веков традиционные государства выступали в качестве монопольных поставщиков информации об окружающей действительности, создавая и поддерживая национальные модели исторической памяти, а также обеспечивая соответствующее мифотворчество, что в своей совокупности обеспечивало формирование в массовом сознании национально ориентированных универсальных представлений по поводу исторических событий, фактов и процессов, имевших место в прошлом. «Власть целенаправленно пользуется механизмами формирования исторической памяти в целях консолидации общества, формирования единого понимания общностью своего прошлого, своего национального достояния и национальной идентификации»¹.

И чем более отдалено было во времени историческое событие, тем в большей степени массы нуждались в объяснительных моделях исторического прошлого своего народа.

Достаточно долгое время деятельность государств в данной сфере «характеризовалась безусловным доминированием «политико-мифологизированных» интерпретаций над рационально-объективистскими подходами, направленными на восстановление «того, как все действительно было» (то есть реальной истории). Уже в древних деспотиях история активно использовалась для возвеличивания монархов, возведения их происхождения к богам, для прославления побед над врагами и так далее. В определенной степени эта традиция была продолжена и в Римской империи. Поэт Вергилий, получивший заказ на «Энеиду», буквально «сочинил» эпическую историю о том, что римляне якобы происходят от троянцев, а император Август — от троянского царевича Энея, бежавшего около тысячи лет назад из Трои в Италию. Этот искусственно созданный миф призван был «освятить» имидж Рима как «Вечного города», призванного править всеми народами. Весьма характерно, что еще более чем через тысячу лет этот миф пытались использовать и средневековые монархи»².

В дальнейшем народ как носитель исторической памяти, сформированной в рамках социально приемлемых объяснительных моделей, выступал субъектом сохранения преемственности поколений, обеспечивая «бесшовную» и контролируемую (а также всячески поощряемую) передачу мифов, легенд, символов, представлений, утвердившихся в массовом сознании и имевших непосредственное отношение к описанию общего прошлого.

Как справедливо отмечает Е. М. Данченко, «групповая солидарность людей... основана на представлениях об общности исторической судьбы, героических деяниях предков, культ которых, вместе с почитанием «исконной» территории, является одним из универсальных архетипов. Общая идентичность, по сути, означает принадлежность к общности, которая уже перестала существовать, претерпев значительные изменения в языке, культуре, верованиях, территории. Поэтому сформировавшийся в общественном сознании

обобщенно-стереотипный образ своего народа порой не соответствует современным реалиям и оказывается ретроспективным, мифологизированным и субъективным»³.

Таким образом, государство в подавляющем числе случаев выступало монопольным субъектом формирования национальной солидарности, создания объединяющих народ «скреп», конструирования коллективной памяти, основанных на общей истории, так как «любому государству (вчера, сегодня, завтра) нужно единомыслие граждан, их единение... Государственную историю заказывает власть... Государство через государственную общеобязательную историю управляет мировоззрением своих граждан»⁴.

Процессы социализации, выступающие одним из мощнейших факторов обеспечения стабильности и устойчивости наций благодаря способности формировать единые представления, универсальное восприятие окружающей действительности, а также предсказуемые и социально приемлемые модели поведения, во многом основаны на эффективно сконструированной национальной коллективной памяти.

Как пишет Р. Гарагезов, «мы воспринимаем, думаем, и, следовательно, запоминаем события посредством способов, которые определяются во многом той социальной группой, членом которой мы являемся. Иначе говоря, коллективная память «активируется» благодаря определенным «подсказкам», которые как бы «задаются» социальной группой»⁵.

Иными словами, коллективная память (ее наличие как таковое, ее устойчивость) выступает важнейшим инструментом обеспечения социального, идейного, символического, ментального единства нации.

Однако, с появлением такого глобального пространства массовых коммуникаций, как Интернет, ситуация существенным образом изменилась ввиду появления новых технологических возможностей информационно-коммуникационного взаимодействия между людьми, что привело к ряду следствий, имеющих принципиальное значение для нашей работы.

В первую очередь, это появление новых как системных, так и внесистемных субъектов информационно-коммуникационной деятельности в цифровом публичном пространстве. Данные акторы (в первую очередь, внесистемные) обладают собственными интересами, которые зачастую находятся в оппозиции по отношению к национальным интересам конкретного государства.

Обладая во многих случаях собственной информационно-коммуникационной инфраструктурой, экстерриториальными и, как показывает актуальная практика, глобальными ресурсами для генерации и каналами для трансляции альтернативного контента, в который входят и новые объяснительные модели исторической реальности, подобные субъекты способны самым непосредственным образом оказывать влияние на традиционные модели коллективной памяти, общие образы прошлого.

По сути, право на монопольное доминирование в публичном пространстве государств было в определенный момент развития цифрового пространства коммуникаций утрачено. Публичное пространство стало высококонкурентным (по мнению некоторых ученых, сегодня формируется «рынок мировой памяти»⁶), и объяснительные модели, касающиеся вопросов исторической действительности, коллективной памяти, интерпретации событий прошлого стали соперничать между собой за право выживания в условиях конкуренции, бороться за право устойчивым образом влиять на массовое сознание. Данное наблюдение актуально и для современной России. «Историческую память в российской политике можно рассматривать как пространство борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого»⁷.

По сути, в плоскости так называемых «войн памяти» развернулась битва за умы по всему миру⁸. При этом устойчивость традиционных моделей исторической памяти резко снижается, а «прошлое становится непредсказуемым»⁹.

И страны-мишени, обладающие национальными моделями коллективной памяти, общей историей, описываемой традиционными объяснительными моделями, сегодня подвергаются широкомасштабной информационно-коммуникационной агрессии, цель которой — трансформация и последующее разрушение существующих национальных моделей коллективной памяти, элиминация объединяющих общество ключевых «скреп», общих смысловых и символических кодов, еще вчера не подвергавшихся сомнению и казавшихся во многом аксиоматичными для простого гражданина.

В результате государства, не способные защитить собственное национальное информационное пространство от внешнего экстерриториального вмешательства, испытывают интенсивное давление в аспекте возможности сохранения устойчивости традиционных ценностно-смысловых и символических пространств, связанных с собственной историей, коллективной памятью нации.

Подчеркнем, что основная борьба за право представить свою собственную версию истории приобретает характер не только межнационального, но и глобального противоборства, разворачивающегося на сегодняшний день не только в традиционном, но и в первую очередь в цифровом коммуникационном пространстве, полный контроль над которым со стороны большинства государств невозможен.

Описанное противоборство в сфере противостояния различных версий исторической правды, за каждой из которых стоят высокоорганизованные группы акторов, обладающие потенциалом влияния на массовое сознание и имеющие несовместимыми по своим геополитическим целям интересы, крайне актуально и для современной России.

Так, в последние годы мы можем наблюдать системную информационную активность, связанную с фальсификацией исторического содержания¹⁰ и искажением итогов Второй мировой войны¹¹.

Основная цель подобной активности — максимальное снижение роли СССР и советской армии, а также советского народа в разгроме агрессора — нацистской Германии, и освобождении Европы от немецко-фашистских захватчиков, очернение советского солдата — освободителя¹².

Неслучайно Президент России В. В. Путин неоднократно обращал на данную активность особое внимание: «предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество в нашей стране, это не может быть не связано с попытками переписать историю»¹³.

При этом следует отметить, что анализ актуальной практики позволяет сделать вывод о том, что основное информационно-коммуникационное воздействие в рамках процессов переписывания истории и разрушения общей исторической памяти российского народа сегодня оказывается на молодежь, представители которой уже в недалеком будущем будут выступать носителями коллективной памяти.

В условиях личностного становления и отсутствия устойчивых и непротиворечивых объяснительных моделей прошлого, молодежь представляется перспективной целевой аудиторией для достижения максимального и быстрого эффекта от информационно-коммуникационного воздействия, целью которого является достижение победы в так называемых «войнах памяти».

При этом ключевыми каналами потребления информации представителями молодого поколения являются именно цифровые каналы. Неслучайно основной акцент в «войнах памяти» переносится сегодня именно на цифровое пространство, а основные процессы трансформации коллективной памяти осуществляются в рамках цифрового дискурса.

Помимо привлекательности цифровой среды для молодежи, необходимо отметить и еще ряд особенностей интернет-коммуникации, повышающих эффективность манипулятивно-пропагандистского воздействия в рамках искажения исторической действительности.

В первую очередь, следует отметить вирусный потенциал онлайн-коммуникаций. В случае возникновения «информационного вируса» предотвращение его распространения становится весьма трудоемкой задачей для государства. Наличие множества субъектов коммуникации, ретранслирующих в сети на уровне горизонтальных связей искажающий исторические факты и события контент, позволяет обеспечить его лавинообразное распространение в цифровом пространстве.

Кроме того, горизонтальные коммуникации между сетевыми пользователями, как демонстрируют результаты многих исследований, имеют более высокий уровень доверия среди молодежи, информация поступает от «таких же, как я». К тому же, во многих случаях сам контент имеет формат «экспертных рассуждений», «личного опыта», «самостоятельного мнения», что также повышает уровень доверия ему. В свою очередь, официальный контент, представленный институтами власти и профильными организациями (научными институтами, архивами, музеями) традиционно пользуется более низким доверием среди молодых пользователей сети.

Мультиплицирующий эффект доверия обеспечивается комментарийной активностью пользователей, многие из которых являются лишь симуляцией реально существующих личностей (так называемые боты). Организация управляемой работы в пространстве пользовательских комментариев при помощи специально подготовленных для этого аккаунтов-симулякров позволяет усиливать доверие к публикуемой информации (равно как и наоборот, подрывать уровень доверия к официальным публикациям, содержащим объективную информацию), управлять процессом дискуссии и процессом формирования конечного смысла пользовательских дискуссий по поводу того или иного исторического факта или события.

Необходимо отметить и значительное число популярных экстерриториальных информационных ресурсов в Интернет-пространстве, имеющих многомиллионные аудитории сетевых пользователей и предоставляющих в открытом доступе без всяких ограничений очерняющие и дискредитирующие советскую армию материалы в разнообразных форматах, претендующих на объективность. Во многих случаях представленный контент имеет характер целенаправленных фальсификаций.

www.perspektivy.info › history › seksualnoje_nasilije_v_gody_vtoroj... ▼

Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны ...

24 мая 2010 г. - Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие ... о различной степени ответственности за преступления нацизма, ... солдатами советских оккупационных войск из контекста войны и ...

rus.azattyq.org › soviet_soldats_violation_german_women ▼

Что скрывают дошедшие до Берлина ветераны Советской ...

11 янв. 2010 г. - Писать о Второй мировой войне дело всегда хлопотное, особенно на ... рожденных от немецких солдат во время оккупации германской ...

www.dw.com › под-завесой-молчания-преступления-освободителе... ▼

Под завесой молчания: преступления освободителей в ...

22 дек. 2008 г. - ... советских солдат в последние недели Второй мировой войны. ... изнасилований во время войн, жажда возмездия за преступления ...

pobedobesie.info › prestuplenija-krasnoj-armii ▼

Преступления Красной Армии в 1944-1945 гг. - Победобесие

5 мая 2018 г. - Красная Армия во время Великой Отечественной войны никаких ... В октябре 1944 года советские солдаты в Сербии изнасиловали 121 ...

cyberleninka.ru › article › bolezennaya-tema-vtoroy-mirovoy-voyn... ▼

Болезненная тема Второй мировой войны: память о ...

автор: ВС Дубина - 2011 - Цитируется: 4 - Похожие статьи

«Обыкновенная история» Второй мировой войны: дискурсы сексуального насилия ... Немецкие историки о преступлениях вермахта на оккупированных ... о сексуальном насилии в годы Второй мировой войны в Германии и России, ... чтобы защитить себя от сексуальных домогательств советских солдат.

yandex.ru › pravda_li_chno_soldaty_sovetskoi_armii_i_1b957a7a

«Правда ли, что солдаты советской армии часто и с ...

18 мая 2016 г. - Мне не кажется удивительным, что такие солдаты могли выместить ... и тем более во время войны, в этом я тогда не сомневался, но понимал, что ... Директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее ... правда, это страшное, омерзительное преступление.

Рис. 1. Пример поисковой выдачи Google по популярному запросу «преступления советских солдат во время Второй мировой войны»

WIKIPEDIA
The Free Encyclopedia

Article [Talk](#)

Soviet war crimes

From Wikipedia, the free encyclopedia

Soviet war crimes

Katyn massacre 1943 exhumation.^[1] Photo by International Red Cross delegation

1919 to 1991

Foreign territory [Baltic states](#) · [Estonia](#) · [Latvia](#) · [Lithuania](#) · [Poland](#) · [Finland](#) · [Hungary](#) · [Crimea](#) · [German occupied Ukraine](#) · [Afghanistan](#) · [China](#) · [Japan](#) · [Czechoslovakia](#) · [Caucasus](#) · [Kalmykia](#) · [Belarus](#) · [Bessarabia](#) · [Germany](#) · [Yugoslavia](#) · [Manchukuo](#)

Soviet invasion of Poland, 1939. Advance of the Red Army troops

People killed by Soviet authorities in [Kuressaare, Estonia](#), 1941.

Finnish children killed by Soviet partisans at [Seitajärvi](#) in Finnish Lapland 1942.

Рис. 2. Пример контента со страницы Википедии

UKR Embassy in USA @UKRintheUSA · 18 мая

May 18, 1944, it was a day when we couldn't stop Stalin. As a consequence, we mourn the victims of the #CrimeanTatars deportation

Since 2014 Russia has targeted Crimean Tatars w/ detentions, forcing them out of Crimea. And it's our duty now do not allow a bitter history repeats.

MFA of Ukraine и МІП України

14 85 49

Рис. 3. Публикация-фэйк в Твиттер-аккаунте Посольства Украины в США с «изображением депортации татар Советским Союзом» в 1944 г.

Рис. 4. Оригинал изображения из мемориального музея Холокоста в США, демонстрирующая погрузку в вагоны польских евреев нацистами

Как пишет Е. Е. Вяземский, отмечая серьезные риски ведения «войн памяти» в молодежной среде, история интенсивно искажается, фальсифицируется и переписывается «путем тенденциозных интерпретаций исторических источников, памятников истории и культуры, представляя обществу мифологическую модель исторического образа своего этноса, своего государства»¹⁴. И осуществляется данная деятельность сегодня преимущественно в цифровой среде, в которой «фальсификация истории пагубно воздействует на историческую память, способствует ее утрате либо искажению, что в конечном счете приводит к потере молодого поколения»¹⁵ и деформациям общества, так как «историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального бытия»¹⁶.

Другим немаловажным обстоятельством, характеризующим сегодняшнее положение дел, является поколенческий разрыв в коммуникационных средах. Если молодежь преимущественно пользуется цифровыми ресурсами в Интернет-пространстве, то старшие поколения, а тем более поколение ветеранов и детей войны, ветеранов тыла, являющихся непосредственными носителями исторической памяти о событиях Второй мировой войны, традиционно используют в подавляющем числе случаев классическое оффлайновое пространство для осуществления коммуникаций. Ветераны не включены в актуальный цифровой дискурс в качестве полноценных субъектов коммуникации. Но еще Марк Блок писал, что «все мемориальные процессы представляют собой факты коммуникации»¹⁷, которые, безусловно, невозможны без наличия соответствующих субъектов.

Иными словами, представители разных поколений больше не пересекаются в единой коммуникационной среде, и «бесшовный» межпоколенческий транзит традиционных моделей исторической памяти становится попросту невозможным, так как традиционные практики передачи исторических ценностей, смыслов и символов, которые выступают, как «форма исторической памяти, основанная на преломлении событий истории через систему доминирующих в обществе ценностей и этико-культурных норм»¹⁸, серьезным образом трансформируются.

Как пишет Д. Олик, «память представляет собой не стабильную констатацию каких-либо образов, а процесс, большое значение в котором имеют меняющиеся практики»¹⁹. В данной связи мы можем констатировать серьезные изменения в коммуникативных практиках, отсутствие прямых коммуникаций представителей новых поколений с непосредственными носителями исторической памяти, что самым непосредственным образом влияет и на эффективность межпоколенческого транзита традиционных ценностей, смыслов, символов и представлений.

«Личное общение с ветеранами постепенно уступает место косвенным способам коммуникации»²⁰, а «исключительно договорных отношений недостаточно для сохранения социальной сплоченности, необходимы также ритуалы, транслирующие ценности, признаваемые коллективами в качестве сакральных»²¹. Оффлайновые ритуалы, связанные с сохранением исторической памяти, в большинстве своем в современной практике исчезают либо заменяются на новые, что же касается массовых и эффективных цифровых ритуалов, способных транслировать сакральные ценности и обеспечивать устойчивость моделей, а также преемственность исторической памяти, на сегодняшний день в Интернете, по нашему мнению, не сформировалось.

На фоне упадка морально-идеологического консенсуса в современной России²² и отсутствия тех акторов, которые стали бы участниками «политико-культурного синтеза»²³ (в первую очередь, сетевых акторов, нацеленных на коммуникацию с молодежью в цифровом пространстве), данная проблема представляется нам особенно острой.

Еще одним немаловажным фактором, затрудняющим полноценный транзит исторической памяти от старших поколений к молодежи, выступает мультимедийный потенциал интернет-ресурсов. Возможности использования наглядного графического и видео контента (во многих случаях искаженного, искусственно отредактированного при помощи технических средств до уровня реальных изображений) позволяют в доступной форме транслировать в сознание молодежи контент, искажающий, фальсифицирующий и симулякризирующий исторические факты.

В условиях все большего проявления эффекта клипового сознания в сетевом пространстве графические демотиваторы, мемы, «исторические изображения» позволяют в вирусном формате обеспечить широкомасштабную информационную работу, характеризующуюся при этом крайне низким уровнем критичности восприятия потребляемого контента. В отличие от сложных и «скучных» аналитических текстов, объективно описывающих исторические события, цифровые информационные продукты позволяют в упрощенной и комфортной для потребления (не выходя из дома, не посещая музеи, исторические мероприятия, библиотеки, не имея прямых контактов с непосредственными участниками событий), а порой и развлекательной форме (компьютерные игры, грубо искажающие реальную историю, события и факты прошлого, представляющие советского солдата в виде жестокого агрессора) оперативно «ознакомиться» с основными «фактами прошлого», сформировать «компетентное мнение» относительно собственной истории.

В дальнейшем такое «мнение» лишь укрепляется за счет его «верификации» и одобрения сетевыми пользователями в своих комментариях. При этом, как мы уже указали, многие из этих пользователей являются цифровыми симуляциями несуществующих личностей, и основной их задачей является поддержка сфальсифицированной информации в комментариях, включение в процессы комментарийных дискуссий реальных пользователей для создания эффекта одобрения публикации, которые становятся цифровыми «историческими фактами», несмотря на несоответствие реально происшедшим событиям.

При этом для современного «цифрового» поколения в целом становятся характерными «тенденция следовать готовым предложениям, а не вырабатывать собственные мнения и решения, отсутствие синтетических навыков и системности в мышлении, склонность к быстрым суждениям приводят к ситуации, в которой тиражирование и распространение слухов и других недостоверных и/или неподтвержденных сведений среди массы онлайн-пользователей сопровождаются поверхностными суждениями и комментариями ... Сужение моделей мира интернет-пользователей до крайне упрощенных фреймов, нарратив «суда над современностью», позволяемый позицией виртуальной, абстрактной личности... являются важными характеристиками современной интернет-массы»²⁴, которая подвержена масштабному манипуляционному воздействию, которое самым непосредственным образом влияет на модели восприятия исторической действительности ввиду того, что «манипулирование исторической памятью является мощным средством управления сознанием человека и общества»²⁵.

В результате десятки миллионов представителей молодого поколения оказываются активно вовлеченными в процессы формирования альтернативной цифровой исторической реальности, имеющей существенные отклонения от объективной правды. Цифровая мифологизация обеспечивает при этом необратимый разрыв между моделями исторической правды разных поколений.

Рис. 5. Широко распространившееся в Интернете изображение, на котором советский солдат якобы «отнимает велосипед у немки» в Берлине. Было размещено в значительном числе «разоблачающих зверства советских солдат» публикаций в пространстве социальных медиа

Рис. 6. Сцена из компьютерной игры Company of Heroes 2: Политработник жестоко расстреливает советского солдата (разработчик — Relic Entertainment, издатель — SEGA)

В подобных условиях цифровых трансформаций обеспечение преемственности поколений на уровне передачи традиционных моделей исторической памяти становится нетривиальной задачей, для решения которой необходим перенос акцентов в процессах социализации, а, следовательно, и в массовых информационно-коммуникационных процессах, связанных с трансляцией культурных, символических и смысловых кодов, на Интернет-пространство, как современную среду информационного потребления молодежи. При этом важным представляется не только изменение акцентов, но и адаптация деятельности государства и профильных структур, отвечающих за сохранение национальной исторической памяти в аспекте форматов и механик трансляции исторического контента в сознание молодежи.

Очевидно, что традиционные инструменты коммуникации оказывают все меньшее влияние на восприятие молодежью собственной истории, а альтернативные модели исторической памяти, активно навязываемые внешними интересантами, имеют на сегодняшний день преимущественно цифровую природу. Сегодня активно цифровизирующееся общество перешло на «принципиально новый этап сохранения и воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне. Активно используются новые каналы и технологии для воспроизводства исторической памяти и формирования представлений о Великой Отечественной войне»²⁶.

В связи с данными обстоятельствами цифровой дискурс в сфере сохранения исторической памяти и противодействия разрушению традиционных моделей исторической правды приобретает особенно важный характер. Современные цифровые коммуникационные практики позволяют, на наш взгляд, обеспечить при адекватном использовании соответствующих цифровых технологий эффективное межпоколенческое взаимодействие, а также преемственность традиционных для российской нации смыслов, ценностей и символов.

Однако, решение подобной задачи возможно лишь при условии выстраивания совместными усилиями государственных и общественных институтов долгосрочной системной работы по устранению цифрового разрыва между поколением победителей и молодыми гражданами России.

Примечания:

1. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии* (Вестник Челябинского государственного университета. История). 2015. № 6 (361). С. 135.
2. Чернышов Ю. Г. Политика памяти и международный опыт ее использования // *Дневник алтайской школы политических исследований*. 2019. № 35. С. 6—7.
3. Данченко Е. М. О наследии прошлого в истории современности // *История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом*. Доклады Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 115—116.
4. Личман Б. В. Цели мировоззрений и история. Цель государства (национальная идея) в современной России и «переписывание истории». Общество мировоззренческой толерантности // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2018. № 2. С. 6.
5. Гарагезов Р. Коллективная память: как создаются, сохраняются и воспроизводятся коллективные представления о прошлом. Баку, 2013. С. 12.
6. Чеканцева З. А. Коллективная память и история // *Преподаватель XXI в*. 2015. № 4. С. 231.

7. Растимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного общества // Вестн. Московск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2012. № 5. С. 129.
8. Пономарева Е. Фальсификация истории как мировоззрение Запада [Электронный ресурс]. URL: >>>.
9. Черников П. Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2016. № 5 (89). С. 192.
10. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11-3. С. 174—181.
11. Сидорова М. С. Доверяй, но проверяй: краткая история фальсификаций // Инновационная наука. 2016. № 2-5 (14). С. 55—57.
12. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель-Observer. 2015. № 4. С. 88.
13. Путин выступил против попыток «перекодировать общество» и переписать историю // Государственное информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: >>>.
14. Вяземский Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28—43.
15. Лушин А. Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 24.
16. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 32.
17. Bloch M. Mémoire collective, tradition et coutume. A propos d'un livre récent Text] / M. Bloch // Revue de synthèse historique XI (nouvelle série XIV). 1925. № 118—120. P. 73—83.
18. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Менщиков // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 76.
19. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40—74.
20. Линченко А. А., Головашина О. В. «И значит нам нужна одна победа...»: память о Победе в советской и российской школе // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 104.
21. Там же. С. 100.
22. Пахалюк К. А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012—2018 гг. // Полития. 2018. № 4. С. 9.
23. Там же. С. 9.
24. Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 190.
25. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 444.
26. Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 41.

Библиография:

1. Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188—196.
2. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2015. № 4. С. 83—93.

3. Вяземский Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28—43.
4. Гарагезов Р. Коллективная память: как создаются, сохраняются и воспроизводятся коллективные представления о прошлом. Баку, 2013.
5. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 74—78.
6. Данченко Е. М. О наследии прошлого в истории современности // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом. Доклады Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 113—121.
7. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. № 6 (361). С. 132—137.
8. Линченко А. А., Головашина О. В. «И значит нам нужна одна победа...»: память о Победе в советской и российской школе // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 99—113.
9. Личман Б. В. Цели мировоззрений и история. Цель государства (национальная идея) в современной России и «переписывание истории». Общество мировоззренческой толерантности // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 2. С. 4—11.
10. Лушин А. Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 21—25.
11. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11-3. С. 174—181.
12. Пономарева Е. Фальсификация истории как мировоззрение Запада // Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/06/24/falsifikacia-istorii-kak-mirovozzrenie-zapada-33981.html> (дата обращения: 15.04.2020).
13. Путин выступил против попыток «перекодировать общество» и переписать историю // Государственное информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/1552609> (дата обращения: 01.04.2020).
14. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40—74.
15. Пахалюк К. А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012—2018 гг. // Полития. 2018. № 4. С. 6—31.
16. Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №5 (35). С. 35—43.
17. Растимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного общества // Вестн. Московск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические

науки. 2012. № 5. С. 128—135.

18. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

19. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 31—36.

20. Сидорова М. С. Доверяй, но проверяй: краткая история фальсификаций // Инновационная наука. 2016. № 2-5 (14). С. 55—57.

21. Чеканцева З. А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 229—239.

22. Черников П. Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2016. № 5 (89). С. 189—195.

23. Чернышов Ю. Г. Политика памяти и международный опыт ее использования // Дневник алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 4—8.

24. Bloch M. Mémoire collective, tradition et coutume. A propos d'un livre récent // Revue de synthèse historique. XI (nouvelle série XIV). 1925. Т. 40. № 118—120. P. 73—83.

Features of Technologies for Rewriting History in a Contemporary Digital Communications Space

S. Volodenkov

*Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The work is devoted to the study of the features of the historical memory models formation in digital space using contemporary information and communication online technologies as an example of the Second World War. It analyzes the current practice of digital “memory wars” and the mechanisms of rewriting history on the Internet. The article shows that the extraterritorial nature of online communications allows carry out external information aggression into sovereign national segments of the Internet with the aim of transforming traditional historical codes, symbols, and meanings, as well as changing the mass perceptions of network users about the events of World War II. The author concludes that the availability of digital information and communication infrastructure, distribution channels of historical information, subjects of generation, and broadcasting of historical content is a key factor in ensuring the survival of national models of historical memory in a competitive digital space. Otherwise, they are replaced by alternative models that change the mass representations of network users, which leads to corresponding changes in the assessment of historical events and the rewriting of history in the framework of the global “memory wars”. The paper also substantiates that the main target audience of information and communication work in the Internet space is the young generation, which will be the key carrier of historical memory models in their societies in the future. In this regard, the impact on the processes of forming ideas about the historical events of online users, the transformation of the attitude of young people to their national and world history, potentially make it possible in the foreseeable future to carry out a total rewriting of historical memory at the global level in the case of absence of the corresponding activity of states to protect their own national information spaces and counteracting external information and communication aggression.

Keywords: “Memory wars”, rewriting history, Internet space, digital communications, historical memory

Publication date: 16.10.2020

Citation link:

Volodenkov S. Features of Technologies for Rewriting History in a Contemporary Digital Communications Space // *Istoriya* 2020. Issue 9 (95) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://ras.jes.su/history/s207987840011429-0-1> (circulation date: 16.10.2020).